

Ахмадуллина Лейсан Ядгаровна

ПРИТЧА ИЗ "МЕСНЕВИ" ДЖ. РУМИ В ПЕРЕЛОЖЕНИИ Х. САЛИХОВА В СОЧИНЕНИИ "МАДЖМАГ АЛЬ-АДАБ"

В статье представлен пример "художественного переложения" притчи из "Месневи" Дж. Руми Х. Салиховым (1794-1867) в его трактате "Маджмаг аль-адаб" ("Сборник благопристойностей"). Утверждается, что в литературе мусульманских народов Востока в эпоху Средневековья обращение к уже известному сюжету или мотиву было весьма распространенным явлением, однако такие "подражательные" сочинения не должны восприниматься как "вторичные" в смысле "второсортности". По мнению исследователей, следует обращать внимание на детали, вводимые разными авторами в соответствии с национальными, исторически-общественными, временными особенностями. Анализируемый сюжет одного из рассказов "Маджмаг аль-адаба" заимствован из поэмы "Месневи" Дж. Руми, который, в свою очередь, схож с сюжетом одного из рассказов "Панчатантры". В статье представлены особенности каждого из рассказов, в частности, отмечается, что все изменения, введенные Х.Салиховым, были направлены на более реалистичное звучание сюжета, добавлены злободневные социальные проблемы своего времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 15-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.51

В статье представлен пример «художественного переложения» притчи из «Месневи» Дж. Руми Х. Салиховым (1794-1867) в его трактате «Маджмаг аль-адаб» («Сборник благопристойностей»). Утверждается, что в литературе мусульманских народов Востока в эпоху Средневековья обращение к уже известному сюжету или мотиву было весьма распространенным явлением, однако такие «подражательные» сочинения не должны восприниматься как «вторичные» в смысле «второсортности». По мнению исследователей, следует обращать внимание на детали, вводимые разными авторами в соответствии с национальными, исторически-общественными, временными особенностями. Анализируемый сюжет одного из рассказов «Маджмаг аль-адаба» заимствован из поэмы «Месневи» Дж. Руми, который, в свою очередь, схож с сюжетом одного из рассказов «Панчатантры». В статье представлены особенности каждого из рассказов, в частности, отмечается, что все изменения, введенные Х.Салиховым, были направлены на более реалистичное звучание сюжета, добавлены злободневные социальные проблемы своего времени.

Ключевые слова и фразы: художественное переложение; религиозно-дидактический трактат; суфийская литература; интерпретация сюжета; кочующий сюжет.

Ахмадуллина Лейсан Ядгаровна

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН

Leysan-1988@mail.ru

ПРИТЧА ИЗ «МЕСНЕВИ» ДЖ. РУМИ В ПЕРЕЛОЖЕНИИ Х. САЛИХОВА В СОЧИНЕНИИ «МАДЖМАГ АЛЬ-АДАБ»

Творчество Хибатуллы Салихова (1794-1867) является неотъемлемой частью и прекрасным образцом литературного наследия мусульман Волго-Уральского региона XIX в. Оно ценно и значимо как с точки зрения литературной, так и с позиции истории религиозно-философской мысли татарского и башкирского народов.

Вершиной мысли и слова поэта и суфийского наставника Х. Салихова является произведение «Маджмаг аль-адаб» («Сборник благопристойностей», 1856). Весь трактат построен вокруг дидактической идеи. Для осуществления такой организации текста автор прибегает к популярным приемам: ящичной и рамочной композиции. Внутри трактата находится множество рассказов, к которым автор обращается для иллюстрации некоего дидактического или философского тезиса. Источниками этих рассказов послужили сочинения восточных мусульманских авторов, которые нередко автор предоставлял в переложённом варианте.

Необходимо отметить, что художественное переложение произведения одного писателя вторым – тема довольно щепетильная с точки зрения отношения к оригиналу. В западном и русском литературоведении к таким явлениям зачастую относятся как к «художественно несамостоятельным» текстам [2, с. 4]. В литературе мусульманских народов Востока в эпоху Средневековья обращение к уже известной сюжетной основе было весьма распространено и являлось своего рода литературной традицией. И поэтому художественные произведения, написанные с опорой на некий первоисточник, не воспринимаются как «вторичные», т.е. «второсортные». Более всего к таким произведениям приложимо понятие «подражания», в чем мнения отечественных востоковедов и литературоведов в основном совпадают. Традиционалистские литературы Ближнего и Среднего Востока, Средней и Передней Азии, а также Волго-Уральского региона были территориями широкого распространения подобных подражаний.

Чтобы при всем этом «подражании» выявить заслугу второго автора, важно определить само отношение к творчеству. Как известно, «средневековые авторитеты исходили из традиционности, каноничности, изначальной заданности основных элементов литературы. Они были также уверены в том, что изучение этих элементов должно способствовать созданию благоприятных условий для авторского творчества» [4, с. 173]. Таким образом, прежде чем приступить собственно к творчеству, литераторам следовало ознакомиться с богатейшей теоретической базой «канонической литературы». Данная теоретическая база предлагала как все разнообразие канона, так и методы, приемы его изменения. Эти изменения в основном лежали на уровне деталей. В данном вопросе наиболее ценными видятся замечания Е. Э. Бертельса о методологической ошибке, совершаемой большинством историков литературы, рассуждающих о несамостоятельности тюркской литературы, которая богата на «кочующие сюжеты» и подражания на произведения арабо-персидских авторов. По его мнению, «сюжет – лишь основа, канва, по которой поэт вышивает свои пестрые узоры. Если мы желаем надлежащим образом оценить его творчество, мы должны исходить из этого узора, должны считаться с этим основным фактом всей литературной жизни стран ислама. В противном случае наша оценка всегда будет носить произвольный характер, никакой объективной ценности она иметь не будет» [1, с. 378].

К сожалению, до сих пор нет стройной, единой концепции «переложных» произведений в восточной мусульманской литературе, хотя очевидно, что первостепенную значимость в анализе переложений имеют следующие вопросы: какие изменения вводятся новым автором в «старый» сюжет и каковы причины этих изменений? Ведь

именно в различиях внутри «переложений» можно разглядеть те национальные особенности, которые расскажут сегодняшним исследователям многое из истории, культуры, самосознания, мифологии отдельных народов.

Обратимся к примеру переложения притчи из знаменитой эпико-дидактической поэмы «Месневи» персоязычного поэта Джалялетдина Руми (1207-1273) в трактате Х. Салихова «Маджмаг аль-адаб». К этой притче под названием «О том, как поверили в лесь и верность медведя» [7, с. 118] автор обращается при пояснении тезиса «стараясь исправить зло, не наделай большего зла». Основной сюжет его таков: некий храбрец спасает медведя от дракона, в благодарность он становится послушным помощником храбреца. Однажды храбрец заболевает. Медведь остается охранять своего спасителя. Проходящий мимо мудрец советует храбрецу не привязываться к медведю. Подумав, что странник просто завидует их дружбе, храбрец не принимает его советов и просит оставить их. Не сумев увести храбреца от медведя, мудрец уходит сам. Стараясь отогнать муху, донимавшую храбреца, медведь давит ее камнем, однако вместе с мухой разбивается и голова храбреца. Руми сдобривает сравнительно несложный сюжет эзотерическими смыслами, сопровождая каждый эпизод философско-дидактическими отступлениями.

Данный сюжет восходит к известному индийскому сборнику нравоучительных басен «Панчатантра», хотя в нем уже сюжет выглядит несколько иначе: Царь подружился с обезьяной и постоянно держал ее при себе. Однажды к спящему царю стала подлетать пчела. Несмотря на отпугивания обезьяны, она продолжала донимать спящего. Устав отгонять пчелу, обезьяна решила порубить ее мечом, вместе с пчелой, как следствие, была разбита и голова царя [5, с. 145].

Схожие мотивы можно встретить в башкирской народной сказке, где по глупости одного из трех братьев погибают двое остальных (стараясь отогнать слепней, младший брат бьет дубиной по голове своих братьев) [9, с. 114]. Данный сюжет занял место и в хрестоматиях просветителей XIX века С. Кукляшева и М. Иванова в качестве популярного среди татар рассказа. Представленный ими вариант также отличается от индийской и персидской версий системой образов и ситуацией. В их варианте дровосек заменяет царя, образ медведя вводится вместо глупой обезьяны, муха – вместо пчелы и камень – вместо меча [Цит. по: 5, с. 145].

Вариант сюжета, предложенного Х. Салиховым в «Маджмаг аль-адабе» таков: два путника выходят в путь, дойдя до некоего места, они решают отдохнуть: пока один спит, другой должен стоять на страже. Под обещание «стража» «утопить в крови» всякого, кто приблизится к нему, первый путник спокойно засыпает. Пока он спит, к нему приближается змея, однако тот, кто на страже, не отгоняет ее, аргументируя тем, что «пока не ужалит, в ней нет опасности» [6, с. 15]. Через некоторое время змея уползает сама. Вслед за змеей прилетают мухи и буквально облепляют глаза спящего, что приводит в ярость бдительного товарища. Желая отогнать их, он кидает камнем и выбивает глаз мирно спящего путника, тот просыпается, вскакивает и, не разбираясь ни в чем, ножом выкалывает оба глаза обидчика. После чего сам же отправляется к судье и просит их рассудить. Судья же по-своему «очень справедливо» решает вопрос, вынося приказ выколоть истцу оставшийся глаз [Там же, с. 15-16]. Такой неожиданный финал дает возможность читателю прийти к умозаключению о том, что судья глупее даже тех двух путников.

Таким образом, известный сюжет, построенный на взаимодействии героя с неким глупцом, от рук которого он и погибает или страдает, в рассказе Х. Салихова переносится на сферу человеческих отношений, тем самым приобретает еще более реалистичное звучание. Общая идея всех рассказов на данный сюжет, который сводится к опасности и недальновидности дружбы с глупцом, в «Маджмаг аль-адабе» находит развитие еще и в виде народной поговорки: «Юлдашың үзеңнән яхшы булсын» («В путь выходи с товарищем лучше себя»). А эпизод с судьей, внесенный Х. Салиховым, хотя и комичен, на первый взгляд, однако в его основе также лежит реальное, утвердившееся в то время в российской действительности мнение о том, что невозможно найти справедливости в судах.

Надо полагать, что в Волго-Уральский регион данный сюжет проник через популярное среди народа сочинение Дж. Руми «Месневи». Тем более это не единственный сюжет из цикла поучительных и развлекательных рассказов из «Месневи», переложенный Х. Салиховым. Используя готовый и, возможно, уже знакомый читателю сюжет, он усиливает его морально-этическую сторону и добавляет местные детали, выпячивая социальные проблемы своего времени. Образы «дракона» и «змеи» схожи по функциональному назначению: в «Месневи» дракон соответствует «влечению», в «Маджмаг аль-адабе» же змея олицетворяет «опасность греха». Через образ змеи Х. Салихов раскрывает восточную дидактическую идею о пренебрежении большим грехом и чрезмерном усердии в предотвращении незначительного проступка. В сюжете это воплощено следующим образом: не видя большого зла в ядовитой змее, путник позволяет ей приблизиться к спящему другу, в то время как безобидные мухи приводят его в ярость, и он решает во что бы то ни стало расправиться с ними. В итоге чрезмерные усилия в искоренении незначительного зла приводят к большой беде для обеих сторон.

Мудрец, который предупреждает о вреде дружбы с глупцом, в варианте Х. Салихова отсутствует. Скорее всего, он не вписывался в идейно-содержательную установку его рассказа. Дж. Руми специально вводит данный образ, которого также не было в оригинале «Панчатантры». Посредством образа путника-мудреца Руми поясняет несколько важных эзотерических смыслов. Например, он объясняет храбрецу, что любовь глупца обманчива. Также Руми приводит мысль о том, что, отведя глаз от «света Всевышнего», которого и олицетворял этот путник, тот впал в заблуждение. Несмотря на все заслуги храбреца, в нем присутствуют также отрицательные черты, которые Руми раскрывает для читателя. Так, увидев в мудреце завистника,

храбрец подумал плохо о человеке, высказав ему это в лицо, стал еще и клеветником. Более того, посредством данного образа Руми подводит читателя к мысли о невежестве и самого храбреца: «Если два человека сходятся вместе, то, безо всякого сомнения, между ними есть что-то общее» [7, с. 126].

Таким образом, в интерпретации Руми и храбрец, и медведь оказываются невежественными. Отметим, что в его творчестве в целом образ медведя олицетворяет глупого человека [8, с. 10]. Х. Салихов, в свою очередь, перенимая образную систему Руми, оставляет аллегорический образ медведя, превращая его в простого человека.

В рассказе Х. Салихова автор описывает недалекими всех трех героев, ибо невежеством поражены почти все слои общества: глупы как простые обыватели, так и чиновники на местах. Добавляя в сюжетную линию эпизод с обращением к судье, Х. Салихов поднимает проблему несправедливых судов, невежественных судей и чиновников. Как известно, на территории исторического Башкортостана в тот момент действовала кантонная система управления, при которой судьи имели широкие правовые возможности и нередко, пользуясь ими, притесняли народ. Именно такого рода острая социальная проблематика была присуща творчеству Х. Салихова.

На данном примере трансформации сюжета из «Месневи» в «Маджмаг аль-адаб» видно, как Х. Салихов для выражения собственных мыслей опирался на литературный опыт предыдущих поколений. Однако, несмотря на общую схожесть с сюжетной линией и системой образов рассказа из «Месневи», переложенный вариант в «Маджмаг аль-адабе» значительно отличается от него. Именно в этих различиях прослеживаются новаторство поэта, национальные, исторически-общественные особенности своего времени и региона. Детали трансформации сюжета в «Маджмаг аль-адабе» нацелены на более реалистичное звучание, злободневность и конкретность социальных проблем, поднимаемых поволжским поэтом XIX в.

Список литературы

1. Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература // Бертельс Е. Э. Избранные труды. М., 1965. Т. 3. 524 с.
2. Владимирова О. А. Вторичный текст в лирике: онтология и поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2006. 18 с.
3. Ворожейкина З. Н. Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время (XII – начало XIII в.). М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984. 270 с.
4. Куделин А. Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М.: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.
5. Миннегулов Х. Ю. Восточная классика и татарская литература: учебное пособие для студентов КФУ. Казань: Изд-во «Яз», 2014. 292 с.
6. Мәжмәг әл-әдәб. Казан: Чирков хатыны, 1900. 96 б.
7. Руми Дж. Маснави-йи ма'нави (Поэма о скрытом смысле): второй дафтар / пер. с перс.; Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. СПб.: Петерб. востоковедение, 2009. 376 с.
8. Хатам З. Б. Перевоплощение животных в рассказах «Маснави Манави» Джалоладдина Руми»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Душанбе, 2012. 22 с.
9. Хуббудинова Н. А. Художественно-эстетическое значение фольклорных традиций в творчестве башкирских писателей XIX в. (на примере произведений Хибатуллы Салихова, Шамсетдина Заки, Акмуллы) // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы международной научно-практической конференции (VII Акмуллинские чтения). Уфа, 2013. С. 113-117.

PARABLE FROM “MASNAVI” BY J. RUMI IN KH. SALIKHOV’S TRANSLATION IN THE BOOK “MADZHMAĞ AL’-ADAB”

Akhmadullina Leisan Yadgarovna

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Leysan-1988@mail.ru

The article presents an example of the “artistic translation” of a parable from J. Rumi’s “Masnavi” by Kh. Salikhov (1794-1867) in his treatise “Madzhmag Al’-Adab” (“Collection of Decency”). It is argued that it was very common in the literature of the Muslim peoples of the East in the Middle Ages to appeal to the already well-known plot or motive, but these “imitative” books should not be perceived as “secondary” ones in the sense of “inferiority”. According to researchers, it is necessary to pay attention to details introduced by different authors in compliance with national, historical-social, temporal peculiarities. The analyzed plot of one of the stories from “Madzhmag Al’-Adab” is borrowed from the poem “Masnavi” by J. Rumi, which, in its turn, is similar to the plot of one of the stories from “Panchatantra”. The paper gives the characteristics of each of the stories, in particular, it is noted that all the changes introduced by Kh. Salikhov were aimed at a more realistic sounding of the plot; the urgent social problems of the time were added.

Key words and phrases: artistic translation; religious-didactic treatise; Sufic literature; interpretation of plot; wandering plot.